

ЯЗЫКОВАЯ ЭРИСТИКА: ЭВОКАТИВНОЕ РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ

И.Г. Тамразова

В статье рассматривается феномен языковой эристики как поливалентная интеракциональная, поведенческая, психологическая и дискурсивная категория. В перспективе полипарадигмального подхода утверждается ее динамическое функциональное поле и понятийный диапазон.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая эристика, речевая трансгрессия, эмоциональный интеллект, релевантность речевого взаимодействия

ТАМРАЗОВА Илона Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Московского политехнического университета. ilona999@mail.ru

Цитирование: Тамразова И.Г. Языковая эристика: эвокативное речевое поведение [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2019, № 2. – С. 108–121. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

LANGUAGE ERISTIC: EVOCATIVE VERBAL BEHAVIOUR

Ilona G. Tamrazova

The article deals with the phenomenon of language eristic as a polyvalent interactional, behavioral, psychological and discursive category. In the perspective of the multi-paradigm approach, its dynamic functional field and conceptual range are approved.

KEY WORDS: language eristic, speech transgression, emotional intelligence, relevance of speech interaction

TAMRAZOVA Ilona G. – PhD in Philology, associate professor of the Foreign languages department of Moscow Polytechnic University. ilona999@mail.ru

Citation: Tamrazova I.G. Language eristic: evocative verbal behaviour // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2019, № 2. – P. 108–121. Access mode: www.tverlingua.ru

Цель статьи – обосновать жизненность новой концептуализации и категоризации эристики как теоретического конструкта, позволяющего, с одной стороны, дифференцировать, а с другой, – обобщить явления, рассматриваемые либо в отрыве друг от друга, либо в рамках недифференцированных и слишком размытых речезыковых категорий.

Первым к достижению поставленной цели шагом стало обобщение теоретического материала, что позволило выделить три концептуальные ипостаси эристики:

1) риторическая Эристика-1 – "искусство интеллектуального фехтования" (А. Шопенгауэр), приемы ведения спора, полемики; в современных лексикографических источниках появляется термин «эристическая речевая компетенция» (Сковородников, 2014) как способность средствами языка и речи отстаивать свою точку зрения;

2) философско-культурологическая Эристика-2 – эвристический метод неоднозначного, полифонического, активно-критического восприятия действительности, выражающийся в определенных общественно-значимых и политических коммуникативных практиках (идеологическая и политическая оппозиция, инакомыслие, протест). Эстетическая эристика проявляется как карнавал, раблезианство и "плутовство", "заумь" в литературе, сатира, юмор и т.д. Эристика как эвристический метод реализуется в доктринах, изначально основанных на релятивизме софистов (кинизм, нигилизм, скептицизм и проч.). Эристическое зерно содержится в философских и эстетических концепциях – от А. Шопенгауэра и Ф. Ницше до русского авангарда и европейского постмодернизма (Б. Шкловский, Ю. Хабермас, Ж. Деррида, Ю. Кристева и др.) (Тамразова, 2019).

3) дискурсивно-прагматическая Эристика-3 – определенный инвариант речевого поведения, характеризующийся:

а) градуальностью проявлений речевой конфронтации (*манипуляция, насмешка, вызов, ирония, сарказм, псевдо-инвектива* и др.), которые в

определенной степени регламентируются институциональными нормами речевых практик;

б) этномаркированной вариативностью реализаций, в частности, в нашей исследовательской перспективе – во французской, английской и русской речеповеденческих этнокультурах (Тамразова, 2015).

Теория «динамической интерпретанты» рассматривает внутреннюю способность знака быть интерпретируемым как производную от интеракционного контекста речевого взаимодействия (Алферов, Кустова, Попова 2013). Отмечено, что интерпретанта «выступает в качестве доминанты семиотического процесса, а разные виды интерпретант позволяют различать и соответствующие тексты-знаки: а) экспрессивные, императивные и сигнификативные; б) симпатетические, провокационные и конвенциональные; в) воздействующие на формирование коллективных мнений, стилей, течений моды, идеологий» (Петрова, 2017: 59-60). При этом семиотика представляется методологическим ключом к исследованию плана выражения *эристического* – заключение онтологических и эпистемических манифестаций в знаковые формы в процессе семиогенеза. Речезыковая эристика необходимо выходит в такие парадигмы, как интеракциональная лингвистика (Тамразова, 2007), социо- и психолингвистика (Тамразова, 2012), сопоставительная лингвистика (Тамразова, 2015), когнитивная лингвистика (Тамразова, 2016), теория политического дискурса (Тамразова, 2018а), теория художественного дискурса и перевода (Тамразова, 2019).

Но прежде всего мы рассматриваем *эристическое в человеке (homo eristicus)* как когнитивный тип, или тип эмоционального интеллекта, обеспечивающий адекватную адаптацию человека к окружающей среде. Эристический когнитивный тип – это, в терминах И. Майерс-Бриггс, *интуитивный стиль*, направленный на выявление проблем и конфликтов, отражающий критический релятивизм в мышлении и стремление заострять решение проблемы методом *reductio ad absurdum*. Предполагается, что именно эмоциональный интеллект, в современном его понимании, является

ключевым для выживания человека в доисторические времена, поскольку он проявляется в способности адаптироваться в окружающей среде, уживаться и находить общий язык с соплеменниками и соседними племенами. Однако, хотя механизмы эмпатии стали основными в эволюции человеческого рода, конфликты не перестают окружать *homo sapiens eristicus* ни снаружи, ни изнутри – когнитивный диссонанс есть прежде всего результат эристической рефлексии.

Исходя из вышесказанного, гиперонимическими концептами для эристики может быть названы *онтологическое/эпистемическое* противоречие и *социо-интеракциональная* агональность, рождающие *контраверсные* (содержащие противоречие) интеллектуальные и речевые взаимодействия. Соответственно, *эквивонимами*, то есть категориями, находящимися с Эристикой в отношении логического пересечения, являются, с одной стороны, категория *эмпатии*, и контрадикторная ей категория *агрессии*, (как это отношение представлено на рис.1):

Рис.1. Категориальное поле Эристики

Отличие эристической тональности от речевой агрессии состоит в превалировании *эмоционального интеллекта*, сдерживающего деструктивные проявления интер- и интра- когнитивного диссонанса.

Эристика является проявлением *эпистемической бдительности* (Sperber, 2010): сомнение в качестве (правдивости, релевантности и т.д.) информации, её источника и / или аудитории, рождает реакцию – внешнюю или внутреннюю, – которая объективируется в определенных речезыковых манифестациях. Эти эристические знаки полимодальны (жесты, мимика, громкость, тембр, ударение, взгляд и т.д.) (Тамразова, 2018б) и проявляются в различной степени эксплицитности (остенсии). Все они суть проявления эристической интенциональности (порождающей и интерпретативной).

Отношение эристики к эмпатии достаточно просто объясняется эпистемической и архетипической бдительностью, как это выражено в одном из примеров из нашего первого корпуса (скрипты сериала «Доктор Хаус»):

(1) «Kutner: [Laughs.] *Niceness is a defect?*

House: *Three cavemen, see a stranger running towards them with a spear. One fights, one flees, one smiles and invites him over for fondue. That last guy didn't last long enough to procreate*». (House, MD – 4.13, URL).

В серединной зоне пересечения эмпатии и эристики (см. рис.1) находится *людическая эристика* – дружеская пикировка, ирония, стёб и т.д. Эти речевые стратегии, угрожая «позитивному лицу» адресата, сохраняют запас «эмпатической прочности», обусловленной общими знаниями и ассонансом «внутренних релевантностей» собеседников.

С другой стороны поля – в агональной его части – эристика пересекается с (речевой) агрессией. В некоторых исследованиях ставится знак равенства между агональностью и (речевой) агрессией, а заодно и между эристикой и речевой агрессией (Зайцев, 2016). Такое отождествление следует скорее известной когнитивной метафоре «спор – это война». Однако, как показал А.К. Киклевич, «стремление свести множество лингвистических фактов к небольшому числу инвариантов приводит к чрезмерному абстрагированию и фактически отрыву от языковой действительности» (Киклевич, 2014: 172). С нашей точки зрения, есть множество эристических

(угрожающих позитивному лицу) речевых действий, приемов, стратегий, которые также, как это показано в «теории (не)вежливости» (Culpeper, 2011), не переходят грань, которую интуитивно ощущает каждый носитель той или иной языковой культуры. Четкой границы нет, эта грань зыбка и изменчива. И это, пожалуй, есть главная проблема лингвистической экспертизы – установить, что можно признать вербальной агрессией, а что нет. Тем не менее, именно введение понятия и термина «эристика» может способствовать совершенствованию юридической экспертной процедуры (Баранов, 2007). Достаточно утвердиться в представлении, что *эристическая агональность* стремится к *агрессии* как к своему пределу.

Эристика, таким образом, имеет градуальные проявления речевой конфронтации и /или манипуляции (насмешка, вызов, ирония, сарказм, квази-инвектива и др.), которые в определенной степени регламентируются узувальными нормами речевых практик. *Людическая эристика* отличается от собственно агональной эристики. Это *игра* в противоречие (дружеская ирония, стёб и т.п.). Другими словами, эристическое речевое поведение характеризуется неявными, непрямыми речевыми и неречевыми формами. Иногда эристическое в дискурсе не имеет ничего общего с агрессией. Например, как было показано в одной из наших работ (Алферов, Попова, Тамразова, 2019), эристический нарратив «Героя нашего времени» М. Лермонтова (надменность, презрение к женщинам) может проявляться в употреблении морфо-лексических диминутивов, влияющих на дискурсивную концептуализацию женских образов. Такие «тонкие материи» зачастую становятся проблемой в межкультурной коммуникации и в переводе (Алфёров, Попова, Тамразова, 2019).

Эристика проявляется и как эвристический метод, уходящий в майевтику Сократа («эротетика диалога»). Брошенный вызов, пусть даже в виде вопроса, провоцирует и стимулирует работу интеллекта (ирритативная функция). Обращение к креативной функции мышления, к воображению, в некоторых работах обозначается терминами *эвокация* и *эвокативность*

(Dominicy, 2007). Вслед за Д. Спербером, мы будем различать два механизма не прямой коммуникации – импликацию и эвокацию (Sperber, 2007).

Эвокативная сила возрастает вместе с редукцией плана выражения: самый эвокативный речевой акт – молчание (в речевом взаимодействии). Молчание может быть не только амбивалентным, но и, в сочетании с полимодальной остензией (взгляд, мимика, жест), может перекладывать на реципиента – на его воображение и интерпретативный потенциал (background) – амальгаму смыслов, чувств (эмоций), нюансов и т.д.

Такое *речевое поведение* также *эристично*, так как угрожает «позитивному лицу» реципиента, бросая вызов его интеллектуальным – инференциальным и эвокативным – способностям.

Эристичным может быть не только высказывание, но и его интерпретация. В этом случае эвокативность может войти в противоречие с тем, что хотел сказать отправитель (т.е. с интенциональным авторским смыслом). Эта эристическая ситуация банальна «до боли»: «*Ты меня не так понял!*» лежит в фундаменте бесчисленных драм, трагедий, экивоков и фарсов. Коммуникативная неудача – это *неинтенциональная перлокутивная эристика*. Отсюда следует еще один вывод – эристичность обратно пропорциональна релевантности высказывания (Sperber, Wilson, 1995): чем больше иррелевантность сообщения (в разных ипостасях), тем более эристичным будет это сообщение. И эта эристичность уже не внешняя, связанная с желанием поспорить или испортить настроение собеседнику. Эта эристичность имманентна, это внутренне свойство знака-высказывания, то есть *эристическая интерпретанта* динамического (интерперсонального и контекстуального) семиозиса (Алферов, Кустова, 2017). Непонятное иррелевантно и эристично. Такой эристический знак мы называем *эристемой* (Тамразова, 2017).

Однако любое нарушение «нулевой степени» плана выражения *потенциально эристично*, так как может привести к проблеме непонимания, идиосинкразийным интерпретациям («Не нравится мне этот Пелевин!»).

Таким образом, не(до)понимание рождает эристичную интерпретацию. Приведем пример из нашего второго корпуса «Малапропизмы, или “перлы” французских политиков» (Алфёров, Попова, Тамразова, 2019).

Президенту Э. Макрону, как никому из его предшественников, пришлось «отвечать за свои слова» в «прямом смысле слова». Его высказывания со времени его появления на политическом Олимпе привлекают внимание своей «нерелевантностью», с точки зрения их интерпретаторов (журналистов, оппонентов, сетевых персонажей и проч.). Эристемы-мемы Макрона могут составить небольшой сборник «макронизмов» (ср. «бушизмы», «черномырдинки»), в частности, высказывание (Дания, июнь 2018), в котором он сравнивает лютеранцев-датчан (*peuple luthérien*), открытых к преобразованиям, с «галлами, сопротивляющимися переменам» («*Gaulois réfractaires au changement*»). Эта ирония была расценена большинством французов как «высокомерная и презрительная» («*Les “Gaulois” vont se faire un plaisir de répondre à son arrogance et à son mépris!*» – *Marine Le Pen* (Le Monde, 29 août 2018). – «“Галлы” припомнят ему это презрение и высокомерие» – *Марин Ле Пен*). (Пророчество сбылось: той же осенью «Галлы» надели «жёлтые жилеты»).

С другой стороны, совершенно понятно, что высказанная Макроном (само)ирония не являлась ни надменной, ни агрессивной. Наоборот, она могла бы быть интерпретирована как подчеркивающая (эвоцирующая) *упорство галлов* времен Римской Империи («Астерикс и Обеликс») или немецкой оккупации (Сопротивление), вошедшее в легенды. Но эти *эвокации* остались нереализованными. Контекстуально слова Макрона в присутствии датской королевы прозвучали неуместно (нерелевантно), так как нарушили один из постулатов общения – «не принижай себя перед посторонними». Самоирония предполагает *взаимную эмпатию* со стороны адресата, которой, к сожалению, Э. Макрон не может похвастаться: его высказывания, увы, получают *эристическую интерпретацию* (что связано с интенциональной и психологической «установкой» его аудитории).

Степень эристичности, как показывают исследования, возрастает не только в больших городах, но и варьируется в разных этнокультурах: например, общепринятое и этикетное в западном обществе выражение «*Help yourself!*» вне культурного контекста может показаться эристичным, например, носителям славянских или восточных лингвокультур, где эмпатия проявляется прежде всего в заботе и опеке над собеседником (Kerbrat-Orecchioni, 2010).

Подведем итог. В *плане выражения* эристика представляет собой особый регистр речевого поведения – обыденного, институционального, художественного, этно- и социолектного, – характеризующийся конативной фасцинацией, напряженностью, интеракциональным вызовом с использованием полимодальных семиотических и речезыковых шифтеров и триггеров различных уровней (мимика, жесты, просодия, фоностилистика, грамматические, лексические, синтаксические и т.д. средства). Эти средства служат для активации эристического регистра речи, агональность которого градуально варьируется от дружеской пикировки, шутки, остроты и т.п. до проявлений когнитивной и речевой конфликтности, нарушений эмпатических принципов общения. Эристика вызывает в смысловом и межличностном пространстве речевого взаимодействия особую, трансгрессивную модальность, с одной стороны, затрагивающую нормы языка и речевого поведения, ломающую стереотипы и тривиальность институционального или обыденного общения, а, с другой стороны, рождающую новые (наводящиеся, эвокативные) смыслы, вызывающие особую «заговорческую» эмпатию, внешне провокационную, построенную на личном взаимопонимании, на обоюдной способности к раскрепощению, к творческому мышлению, к исчислению имплицитных значений, к принятию самой этой формы речевого поведения, позволяющей определить «своих», отделяя «других» или «чужих». Под речевой эристической трансгрессией понимается умышленное нарушение норм языка, отказ от «нулевой степени» самовыражения (метафоры, тропы, алогизмы, парадоксы, речезыковые

аномалии, языковая игра и др.), затрагивающие «лицо» адресата и составляющие эристический когнитивный тип и экспрессивный стиль автора (говорящего). Эристика эвокативна, то есть, в отличие от речевой агрессии, соотносится с непрямыми средствами выражения (Tamrazova, 2016). Эвокативность эристики определяется через степень активизации креативности интерпретации: чем более ассоциативной, рождающей наибольшее количество коннотаций и «интерпретативных квантов», выступает текстовая (в широком смысле) информация, тем более она считается эвокативной.

Источники – Primary Sources

House MD – *House MD* 4.13 LiveJournal: House Transcripts: ‘No More Mr. Nice Guy’, URL: <https://clinic-duty.livejournal.com/17180.html>

Le Monde, 29 août 2018 – *Le Monde*, 29 août 2018. URL: <http://magazineagain.com/le-monde-29-08-2018/>

Ссылки – References in Russian

Алфёров, Кустова, 2017 – *Алфёров А.В., Кустова Е.Ю.* Импликативная динамика языкового знака как механизм креативного семиозиса // Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий. – Сб. статей XV-го Международного лингвистического семинара. – Донецк, 2017. – С. 8–15.

Алфёров, Кустова, Попова, 2013 – *Алфёров А.В., Кустова Е.Ю., Попова Г.Е.* Интеракциональное регулирование когнитивного пространства собеседников // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2013, № 2. – С. 77–79.

Алфёров, Попова, Тамразова, 2019 – *Алфёров А.В., Попова Г.Е., Тамразова И.Г.* Эфемерные лакуны: коннотация и тональность в переводе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019, № 2. – С. 94–104.

Баранов, 2007 – *Баранов А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста: Теория и практика. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.

Зайцев, 2016 – *Зайцев А.В.* Диалог: конфликт или кооперация? (Обзор точек зрения и инновационная парадигма управления диалогом) // Конфликтология / Nota bene. – 2016, № 4. – С.257–266.

Киклевич, 2014: 172 – *Киклевич А.К.* Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом. – Харьков: Гуманитарный центр, 2014. – 444 с.

Петрова, 2017: 59-60 – *Петрова Н.Ю.* Принципы и стратегии перспективизации в драматическом тексте. – Дисс. ... доктора филол. наук. М., 2017. – 528 с.

Сковородников, 2014 – *Сковородников А.П.* Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник. – Красноярск, 2014. – 852 с.

Тамразова, 2007 – *Тамразова И.Г.* Интерактивность и интеракциональность полемического дискурса // Личность, речь и юридическая практика. Сб. науч. трудов. Вып. 10. Ч.2. – Ростов-на-Дону: ДЮИ, 2007. – С. 174–177.

Тамразова, 2012 – Тамразова И.Г. Эристика в перспективе исследования речевого поведения // Актуальные достижения европейской науки-2012. Материалы конференции. – Прага, 2012. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/18_ADEN_2012/Philologia/7_113639.doc.tm

Тамразова, 2015 – *Тамразова И.Г.* Контрастивный анализ эристического дискурса французского и русского языков // Когнитивные исследования языка. – 2015, № 22. – С. 412–414.

Тамразова, 2016 – *Тамразова И.Г.* Когнитивное пространство эристики // Когнитивные исследования языка. – 2016, № 26. – С. 85–87.

Тамразова, 2017 – *Тамразова И.Г.* Околоядерная зона и периферия функционально–семантического поля делокутивности // Актуальные проблемы истории, философии и языкознания: Материалы международной научной конференции. – М. – 2017. – С. 263–271.

Тамразова, 2018а – Тамразова И.Г. Эристический дискурс политических дебатов // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация. Материалы Междунар. науч. конф. / А.П. Чудинов (отв. ред.). – Екатеринбург, 2018а. – С. 249–251.

Тамразова, 2018б – Тамразова И.Г. Полиmodalность французского эристического дискурса: опыт интеракционального исследования // Политическая лингвистика. – 2018, №4 (70). – С. 96–103.

Тамразова, 2019 – Тамразова И.Г. Культурологическая эристика и её отражение в художественном тексте // Культура и текст. – 2019 №1 (36). – С. 146–158.

References

Alferov, A.V., Kustova, E.Yu. (2017) Implicative Dynamics of a Language Sign as a Mechanism of Creative Semiosis // *Comparative and Diachronic Studies of Language units and Categories*, Sat. articles XV-th International linguistic seminar, Donetsk, pp. 8–15. (in Russian)

Alferov, A.V., Kustova, E.Yu., Popova G.E. (2013) Interactive regulation of Cognitive Space of Interlocutors // *Bulletin of Pyatigorsk state linguistic University*, No. 2. pp. 77–79. (in Russian)

Alferov, A.V., Popova, G.E., Tamrazova, I.G. (2019) Ephemeral lacunae: Connotation and Tonality in Translation // *Bulletin of Voronezh State University*, Series: Linguistics and intercultural communication, No. 2, pp. 94–104. (in Russian)

Baranov, A.N. (2007) *Linguistic Expertise of the Text: Theory and Practice*, M., Flinta: Nauka, 592 p. (in Russian)

Culpeper, J. (2011) *Impoliteness: Using Language to Cause Offence*, Cambridge, CUP, 292 p. (in Russian)

Dominicy, M. (2007) L'évocation discursive: Fondements et procédés d'une stratégie 'opportuniste' // *Semen 24*, pp. 145–165.

Kerbrat-Orecchioni, C. (2010) L'impolitesse en interaction [En ligne] // *Lexis, HS 2*, pp. 55–90.

Kiklevich, A.K. (2014) *Dynamic linguistics: between code and discourse*, Kharkiv, publishing House "Humanitarian center", 444 p. (in Russian)

Petrova, N.Yu. (2017) *Principles and strategies of perspective in a dramatic text*, Diss. ... doctor of philological Sciences, M., 528 p. (in Russian)

Skovorodnikov, A.P. (2014) *Effective Speech Communication (basic competence): Dictionary-Reference*, Krasnoyarsk, 852 p. (in Russian)

Sperber, D. (2010) Epistemic Vigilance // *Mind & Language*, Vol. 25, No. 4 September 2010, pp. 359–393.

Sperber, D. (2007) Rudiments of Cognitive Rhetoric // *Rhetoric Society Quarterly*, 37:4, pp. 361–400.

Sperber, D., Wilson D. (1995) *Relevance: Communication and Cognition*, Oxford, Cambridge, MA, 338 p.

Tamrazova, I.G. Interactivity of polemic discourse (2007) // *Personality, speech and legal practice*, Col. of scientific works, Issue, 10. Part 2, Rostov-on-don, DEWEY, pp. 174–177. (in Russian)

Tamrazova, I.G. (2012) Eristics in the perspective of the study of speech behavior // *Actual achievements of European science-2012*. Conference proceedings, Prague, URL: [http://www.rusnauka.com/18_ADEN_2012/Philologia/7_113639.doc. tm](http://www.rusnauka.com/18_ADEN_2012/Philologia/7_113639.doc.tm) (in Russian)

Tamrazova, I.G. (2012) Contrastive analysis of the eristic discourse of French and Russian languages // *Cognitive studies of language*, No. 22, pp. 412–414. (in Russian)

Tamrazova, I.G. (2016) Cognitive space of eristic // *Cognitive studies of language*, No. 26, pp. 85–87. (in Russian)

Tamrazova, I.G. (2017) Perinuclear area and the periphery of the functional–semantic field of the Delocutivity // *Actual problems of history, philosophy and linguistics: proceedings of the international scientific conference*, M., pp. 263–271. (in Russian)

Tamrazova, I.G. (2018a) Eristic discourse of political debates // *Learning to understand Russia: political and mass media communication. Proceedings Of*

The International. science. Conf. / A. P. Chudinov (resp. ed.), Ekaterinburg, pp. 249–251. (in Russian)

Tamrazova, I.G. (2018b) The polymodality of the French Eristic discourse: the Experience interactional studies // *Political linguistics*, № 4 (70), pp. 96–103. (in Russian)

Tamrazova, I.G. (2019) Cultural Eristic and its reflection in the Literary Text // *Culture and Text*, 2 №1 (36). – pp. 146–158.

Tamrazova, I.G. (2016) Eristic as a component of rhetoric // *Modern Science*, № 9, pp. 57–59.